

Услышав голос Юн Линя, Юн Ци тотчас же бросился к младшему брату. Увидев это, глаза Юн Шаня вспыхнули гневом и, пользуясь тем, что Юн Линь его игнорирует, отдав всё внимание раненому старшему брату, Юн Шань оттолкнул близнеца:

— Руки прочь! — Затем, окинув взглядом Юн Ци, Юн Шань угрожающе поглядел на него и произнёс: — Если ты снова пойдёшь против меня, то сегодня вечером ощутишь мой гнев на себе.

Ощущая невыносимую боль от ожога, оставленного на шее, Юн Ци понимал, что дело с письмами ещё не закончено. Он не знал и уже знать не хотел, какое наказание для него сегодня вечером готовит Юн Шань, однако, услышав угрозу в голосе брата, Юн Ци ещё сильнее стал вырываться. В один миг, словно превратившись в коршуна, юноша схватил Юн Шаня и, резко вскочив, безжалостно вцепился зубами в запястье младшего брата, мгновенно ощутив металлический привкус тёплой крови.

Боль была настолько острой, что у Юн Шаня перехватило дыхание и закружилась голова. Он взмахнул рукой и ударил Юн Ци по лицу, и удар оказался такой силы, что юноша отлетел в сторону. Тело Юн Ци, которое и без этого уже было истощено, упало на пол камеры, неизвестно как выдержав такой удар и не испустив дух. Внезапно придя в себя, Юн Шань, поспешно бросившись к Юн Ци, наклонился над братом, чтобы помочь ему подняться на ноги.

— Юн Ци...

— Нет! Не подходи ко мне!

Упав на землю, Юн Ци почувствовал себя так, будто переломал себе все кости. Он поднял лицо и, увидев приближающегося Юн Шаня, пугливо дёрнулся с места, чтобы скорее скрыться от брата, однако тот оказался быстрее. Не успел юноша сдвинуться с места, как Юн Шань его уже настиг и сейчас протягивал к нему свои руки.

— Юн Ци, старший брат!

Юн Линь, несмотря на преграду в виде родного брата, вновь бросился к юноше, отталкивая от него Юн Шаня. Увидев кровь на шее Юн Ци и заметный след от пощёчины, звук от которой прокатился по всей камере, заставляя волосы встать дыбом, Юн Линь испугался. Он боялся, что Юн Шань вновь станет причинять старшему брату боль. От ярости на его коже проступили вены.

— Ты снова бил его! — закричал Юн Линь. — В конце концов, оставь свою дурную привычку распускать руки!

Раздался лязг металла. Меч, что висел на поясе у Юн Линя, сверкнул, покидая ножны, и уже через секунду упёрся в тело Юн Шаня.

Лёгкий звон металла подействовал на трёх принцев, как ведро холодной воды в зимнюю стужу, мгновенно отрезвив их. В камере воцарилась мёртвая тишина, и лишь тяжёлое дыхание прерывало это безмолвие.

Юн Линь хватал воздух ртом, при этом рука юноши была вытянута вперёд и крепко сжимала рукоять меча, остриё которого уперлось в ткань роскошного платья Юн Шаня.

Сам же Юн Шань быстро успокоился и, хищным взглядом поглядев на холодное остриё меча, которое было у самой груди, с ледяной усмешкой спросил:

— Ты посмел направить меч против меня?

Юн Ци, который до сих пор лежал на полу, прижался к кровати и, подняв взгляд, поглядел на Юн Линя.

— Юн Линь, опусти меч. — И, потянув за уголок платье принца, юноша запрокинул голову. От этого движения рана на шее вновь открылась, и Юн Ци свёл брови к переносице, морщась от боли, но всё же продолжил: — Юн Линь, послушай старшего брата, опусти меч. Юн Шань является наследником престола, и угрожать ему — серьёзное преступление. Тебя могут казнить!

Юн Линь не проронил ни слова, но его глаза выразили всю ту решимость, с которой он собирался защитить старшего брата. Он всегда был упрям.

Глаза Юн Шаня наполнились пронзающим душу холодом. Юноша пристально посмотрел на Юн Линя и, не обращая никакого внимания на остриё меча, с холодной усмешкой на губах вытянул руку и со всей силы отвесил брату крепкую пощёчину.

Голова Юн Линя, который никак не ожидал такого, резко дёрнулась в сторону.

Воспользовавшись заминкой и не одарив брата даже взглядом, Юн Шань с лёгкостью оттолкнул от своей груди меч и, наклонившись, сразу же схватил тяжело дышащего Юн Ци, который всё это время жался к краю кровати.

От страха Юн Ци попятился назад.

— Старший брат, хватит! Ты... — Глаза Юн Линя всё так же полыхали яростью. Выкрикнув это, Юн Линь схватил Юн Ци за правую руку, но не успел даже притянуть к себе юношу, как кулак Юн Шаня уже оказался перед его лицом. Резкий удар — и у Юн Линя всё потемнело в глазах, а во рту почувствовался вкус крови.

— Отпусти! Отпусти меня! — вскрикнул Юн Ци, задыхаясь. Но тут что-то безжалостно коснулось его раны, и юноша не смог сдержать пронзительный вопль.

От внезапной атаки Юн Линь отшатнулся на несколько шагов, но вскоре всё же пришёл в себя и с ожесточением выкинул руку вперёд, нанося брату точно такой же удар, каким тот только что одарил Юн Линя. Однако Юн Шань, заблокировав выпад, подставил подножку и, схватив Юн Линя, безжалостно швырнул брата на землю. Но тут тишину взорвал отчаянный крик Юн Ци, услышав который Юн Линь вздрогнул всем телом и от страха быстро вскочил на ноги.

Однако не только Юн Ци, которого уже держал в своих объятиях Юн Шань, но и Юн Линю показалось, будто на лице их брата застыла холодная, жестокая и пугающая до ужаса улыбка.

— Юн Ци! — выпалил Юн Линь и, рванув с места, бросился к Юн Шаню, чтобы вновь ударить его.

Юн Шань заметил его стремительный рывок и, не на шутку перепугавшись, что в этой схватке может пострадать и Юн Ци, был вынужден выпустить старшего брата из рук. Юн Шань в душе постоянно злился на своего бесконечно мерзкого младшего брата, который посмел прийти сюда и всё усложнить своим появлением. В голове юноши мгновенно созрел план: увернуться от удара и, воспользовавшись моментом, схватить Юн Линя, взвалить себе на спину и резким движением опрокинуть брата на землю. Схватив большой стол из розового дерева, Юн Шань заметил краем глаза заострённые углы столешницы. Эта картина вызвала настоящий испуг: если Юн Линь ударится головой об угол этого стола, то умрёт. Подумав об этом, юноша быстро вытянул руки и постарался схватить Юн Линя, притянув к себе.

Но Юн Линь даже не догадывался, о чём думает его старший близнец. Как только Юн Шань притянул его к себе, юноша решил: раз он начал, то должен идти до конца и, схватив обеими руками плечи брата, с силой опрокинул его на бок.

Это был мастерски исполненный бросок. Утянув за собой Юн Шаня и бросив его на землю, Юн Линь тотчас же поднялся на ноги, чувствуя слабость. Бросок на землю, пощёчина и сильный удар значительно подорвали его.

Юн Линь боялся, что Юн Шань, высвободившись из захвата, вновь захочет обидеть Юн Ци, поэтому закричал:

— Юн Ци, скорее беги отсюда! Беги к моей матушке, только она поможет тебе восстановить справедливость! — Юн Линь бросился вперёд, желая побороть Юн Шаня.

Юн Шань был в ярости и тотчас же решил нанести удар, но Юн Линь уже после той пощёчины был начеку и, как только заметил движение со стороны брата, отклонил голову, уворачиваясь от удара. Два брата, схватив друг друга за шею, с пламенем в глазах повалились на землю. Не уступая друг другу и обвинившись словно пара змей, Юн Шань и Юн Линь дрались не за жизнь, а за смерть. Они с грохотом разбивали мебель, что была в комнате, опрокидывая при этом всё, что попадалось им под руки, будь то подсвечник или табуретка.

— Юн Линь, сейчас же прекрати! Хватит драться!

От волнения Юн Ци не знал, как поступить и что сделать. Он не хотел, чтобы Юн Шань победил, но если Юн Линь ранит Юн Шаня, то это будет считаться преступлением, которое будет караться смертной казнью.

Два брата, рождённые от одной матери, сейчас были ужасно похожи друг на друга, но если Юн Линь всегда был таким безрассудным, то сегодня и Юн Шань словно сошёл с ума, растеряв всё своё самообладание, которое всегда вызывало уважение.

Юн Ци неоднократно пытался их разнять, однако они оба постоянно отталкивали его от себя.

Близнецы сошлись в схватке, словно два врага. Вцепившись друг в друга, каждый из них хотел одержать победу. Им не было жаль ни одежды, ни волос, ни чести.

— Юн Линь, ты... — но Юн Ци не договорил. Юн Линь, обдумывая свою атаку, неистово вскрикнул и снова с налитыми кровью глазами бросился на Юн Шаня, нанося тому неизвестно какой по счету удар.

Юн Шань также не думал уклоняться. Он сразу же сделал рывок вперёд, набрасываясь на Юн Линя.

И два брата вновь сошлись в схватке. Они с детства посещали школу боевых искусств, которую закончили с тёмно-синим и фиолетовым поясами [1]. Юн Ци не был знатоком боевых искусств, и сейчас, стоя в стороне и глядя на драку братьев, у него рябило в глазах. Несмотря на это, юноша страшно переживал, что кто-нибудь из них получит ранение, поскольку, в конечном счёте, виноватым во всём станет один Юн Линь. И стоило об этом подумать, как внезапно из этой ожесточённой схватки донёсся глухой стон.

Сердце Юн Ци пропустило удар и часто забилося в груди. Всё произошло так быстро, что он даже не смог понять, чей голос только что услышал. Юноша поспешно поднялся с места и поглядел перед собой, замечая, как два принца, которые дрались, превращая всё в хаос, наконец-то остановили бой. Юн Линь, пошатываясь, поднялся на ноги. Юн Шань же сидел в углу камеры, и из его бедра торчал больше чем на половину вонзившийся в плоть кинжал.

Кровь!

Юн Ци почувствовал, как всё его тело обдало холодом. Юн Линь нанёс рану кинжалом наследнику престола! Руки Юн Ци невольно задрожали. Ранить наследника престола — это не шутка, ранить наследника престола — это всё равно, что убить императора. Это преступление, которое каралось смертной казнью, и преступника не щадили, даже не взирая на его титул.

— Почему ты?.. — Юн Линь поднялся на ноги и, посмотрев на близнеца, понял, из-за чего он внезапно прекратил их поединок. Увидев, что произошло, юноша был удивлён больше, чем Юн Ци. Побледнев от испуга, Юн Линь поспешно склонился над Юн Шанем, чтобы помочь ему: — Старший брат... Я не специально... — Должно быть, этот кинжал во время драки вывалился из

сапога. В момент схватки, не сумев противостоять атаке брата, Юн Линь пришёл в ярость и, сразу же нащупав на земле какую-то вещь, незамедлительно нанёс удар.

Взгляд Юн Шаня пугал. Пока Юн Линь с беспокойством направлялся к брату, тот, мрачно опираясь о стену, самостоятельно поднялся на ноги и опустился на стул.

— Старший брат, тебе нужно скорее остановить кровь...

В конце концов, их родила одна и та же мать. Юн Линь увидел окровавленное бедро Юн Шаня, и его сердце затрепетало от страха, но не от того, что он понесёт ответственность за случившееся. Юн Шань же его старший брат! Подойдя ближе, Юн Линь хотел осмотреть рану Юн Шаня и помочь ему перебинтовать её.

— Я сейчас же принесу все нужные лекарства.

Но Юн Линь не успел договорить, как Юн Шань внезапно вытянул здоровую левую ногу и оттолкнул его, со злостью ударив брата в живот. Получив удар, Юн Линь тотчас же упал на землю и согнулся пополам, задыхаясь и не в силах подняться на ноги.

— Юн Линь! — Юн Ци сначала переживал за ранение Юн Шаня, но, увидев эту безжалостную сцену, тотчас же напрочь забыл о жалости и бросился ко второму младшему брату. Подбежав к Юн Линю, Юн Ци осторожно помог ему подняться на ноги.

— Ты... Ты... — шептал Юн Ци, гневно глядя на Юн Шаня.

Но лицо принца продолжало оставаться бесстрастным, словно деревянная маска. Взгляд его был устремлён на дверь камеры, и казалось, что он ничего не замечает вокруг. Юн Шань даже не обращал внимания на свою раненую ногу.

От драки губы Юн Линя приобрели синеватый оттенок. Сам же юноша медленно поднялся на ноги и заговорил:

— Со мной всё в порядке. Ах! — внезапно вырвалось у него и, держась за плечо Юн Ци, Юн Линь осмотрел его ожог на шее. — Плохо дело. Нужно взять лекарство и обработать этот ожог как можно быстрее. Ты... Ты не кричишь от боли. Почему? Тебе что, не больно?

— Юн Линь, — немного подумав, прервал его Юн Шань.

Поднявшись на ноги, Юн Ци и Юн Линь затрепетали от страха и обернулись к брату, не зная, что у того сейчас на уме.

Юн Шань продолжил:

— Сходи и принеси воды, чтобы можно было смыть кровь, и захвати мне чистую одежду, чтобы переодеться.

Не прошло и двух дней с момента возвращения Юн Линя в императорский дворец, а он уже с головой бросился в тёмный колодец [2]. За столь короткое время юноша успел подраться с собственным братом во Дворце Наказаний, затем привел всё в порядок и устранил следы борьбы. Случившееся оставило горький след в его душе, и оставшиеся полдня Юн Линь провёл, как в тумане.

Во Дворец Наказаний подросла охрана из дворца императрицы Шу, чтобы схватить Юн Линя и отвезти его обратно. Когда они только вошли во Дворец императрицы, то первое, что увидел Юн Линь — главного чиновника Дворца Наказаний Чжан Чэня, который тут же прибыл во дворец к женщине по первому же её требованию.

И сейчас, опустившись на колени перед ней и дрожа, словно в лихорадке, Чжан Чэнь поклонился до земли и сказал:

— Ваш слуга заслуживает смерти, так как и по своей невнимательности он принял принца Юн Линя за Его Высочество Юн Шаня и тотчас же проводил его в камеру к Его Высочеству Юн Ци. Матушке-императрице ведь известно, что у Его Высочества Юн Шаня есть приказ, и что, кроме него, Ваш слуга никого больше не пускает в камеру к Его Высочеству Юн Ци. Ваш слуга заслуживает смерти, ведь он, слепая собака, не остановил Его Высочество Юн Линя.

— Хорошо. — На лице императрицы Шу не дрогнул даже мускул. — Во Дворце Наказаний не произошло ничего серьёзного, только Юн Ци получил небольшой ожог на шее. И всё же, сходи и узнай, отчего он так плачет. И запомни: научись различать Юн Шаня и Юн Линя. А если ты снова «ослепнешь» и перепутаешь их, то я лично прикажу страже выколоть тебе глаза.

— Слушаюсь, Ваш слуга больше не обознается!

Подняв взгляд, императрица Шу увидела, что Юн Линя уже привели, но она не произнесла ни слова. Также молча она приказала своей служанке вынуть несколько золотых монет и подарить их Чжан Чэню.

— Впредь, — вновь предупредила женщина, — будь внимательнее, и Его Высочество наследный принц не обидит тебя. Кто-нибудь знает о том, что произошло здесь?

— Спешу доложить матушке-императрице, что людям, служащим во Дворце Наказаний, запрещено приближаться к тюремным камерам, поэтому никто ничего не знает. Но даже если узнает, у Вашего слуги в подчинении очень ответственные и серьёзные люди, которые не будут зря болтать.

Императрица с улыбкой ответила:

— Да, даже если они и будут зря болтать — не страшно, ведь на самом деле тут и говорить особо не о чем. Его Высочество наследный принц допрашивал заключённого, не говоря уже о ранении, которое вовсе не ранение, а так — пустяк.

— Слушаюсь.

— А теперь возвращайся к своим делам.

Отправив Чжан Чэня, императрица повернулась и прошла во внутреннюю комнату. Юн Линь, который сегодня совершил грубейшую ошибку, отчасти чувствовал себя неловко и, опустив низко голову, шёл следом за матушкой. Глядя на то, как женщина садится в кресло, молча и с необычным выражением лица, Юн Линь понимал, что сейчас его матушка в неопишуемой ярости.

[1] Как правило, чем темнее пояс, тем ученик ближе к мастерскому уровню.

[2] Слово «хутун», изначально обозначавшее колодец, пришло в китайский из монгольского языка семьсот лет назад. Но сейчас слово «хутун» означает «переулок». Аналог: «броситься с головой в тёмный колодец», «броситься в омут с головой», что означает сделать что-то безрассудное.

<http://bllate.org/book/13372/1189548>